

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА
В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

К. М. Оберучева

«ВОСПОМИНАНИЯ»

в двух частях.

Книга издания Группой почитателей
памяти К. М. Оберучева.

Цена с пересылкой \$3.00

Заказы адресуйте:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

178 Second Avenue New York City

Новые письма Чехова

За последние годы найдено и наиболее значительную (если не опубликовано довольно много неизданных или забытых произведений Чехова. В огромном большинстве это юмористические рассказы и наброски эпохи «Чехов-то», представляющие интерес лишь для полноты «собрания сочинений». К этому собранию, очевидно, не приходится больше ждать никаких сколько-нибудь серьезных дополнений по сравнению с тем, что было известно при жизни самого писателя.

Зато продолжает подниматься то обширное и исключительно по интересу «эпистолярное наследство» Чехова, которое было открыто читателям с опубликованием вскоре после смерти А.П., шеститомного собрания его писем под редакцией М.П.Чеховой. Эти шесть томов заключали 1917 писем к 150 адресатам. Теперь собрание могло бы включить около 2,900 писем, и число адресатов поднялось до 195. Перед нами богатейшее сокровище того особого жанра творчества Чехова, казавшиеся его письма, столь ценными и для его биографии и для истории его художественных произведений.

Музей имени Чехова при бывшей Румянцевской библиотеке только что опубликовал сборник «Неизданных писем» Чехова*).

Сборник включает 304 письма, дополняющие и уже известную переписку с такими лицами, как А.С.Суворин, Е.М.Шаврова, родные А.П. и т. д. Есть и целый ряд новых адресатов. Среди этих писем не все, конечно, представляют интерес: тут и простые записки и ответы малоизвестным людям, но не мало писем может быть поставлено наряду с наиболее интересными страницами чеховской переписки.

В этих письмах Чехов часто выступает в роли литературного критика и руководителя молодых писателей, обращающихся к нему за советом и поддержкой. Чехов, как известно, был непримиримым врагом всякой растянута-сти в художественных произведениях, осложненных основными темами, «лишних колес в часах», лишняя персонажей, — *mouche volantes*, как он их нередко называл. «Ох, не загромождайте! Говорил вам — не загромождайте ваших рассказов», — пишет Чехов своей приятельнице Е.М.Шавровой. Те же советы в письмах к драматургу и беллетристу Е.П.Гославскому. «Я прочитал

вашу пьесу, — пишет Чехов. — Пять актов — это много. Я начал бы прямо со второго. Пьеса выиграла бы, если бы кое-кого из действующих лиц устранили вовсе, например, Надю, которой неизвестно, зачем ей 18 лет и неизвестно, зачем она поэтесса. И ее жених лишней. И Софи лишней. Преподателя и Кодыкина (профессора) на экономии можно было бы слить в одно лицо. Чем компактнее — тем выразительнее и ярче». Не нравится Чехову и театральная язык пьесы, тот язык, скажем вообще пишущих пьесы, в котором нет поэзии». Чехов по-прежнему Гославскому совет, который он давал ему в личной беседе: «Не бросайте беллетристики. Вы по натуре и по силе дарования художник; вам надо сидеть в кабинете и писать без передышки. Подальше от амплуа, которые губительны для индивидуальности, как сарказм; вам надо писать по 20—30 печатных листов в год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы на свободе расправить крылья и тогда вы подчините себе сцену, а не она вас».

Беллетристу А.С.Лазареву-Грузинскому по поводу его рассказа «Побег» Чехов пишет: «Стройте фразу, делайте ее сочнее, жирнее, дайте она у вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь законченного сига. Надо рассказывать писать пять-шесть дней и думать о нем всё время, пока пишешь, иначе фразы себе никогда не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу два дня и обмозгалась. Само собой разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила».

Заканчивая в начале 1888 года большую повесть «Степь», Чехов писал тому же Лазареву: «На свою «Степь» я потерял много соку, энергии и фосфора; писал с напряжением, натужился, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет — не знаю. Но во всяком случае, она шла шедевр, лучше следать не умею, и посему ваше утешение, что «иногда вещи не задаются (в случае успеха) утешить меня не может. Дебют, масса энергии, напряжения, хороший сюжет и проч., и проч., — тут едва ли подойдет ваше «иногда». Если при данных условиях написанное скверно, то при условиях менее благоприятных напишу, значит, еще хуже. Да-с, батенька! У вас еще впереди будущее (два-три года), а я переживаю кризис. Если теперь не возьму приза, то уж начну спускаться по наклонной плоскости. А вы меня утешаете парочкой «иногда»!

Сборник рассказов «Хиурные люди» Чехов послал композитору Чайковскому, которого ценил чрезвычайно высоко. «Мысль, посвятив вам книжку — пишет он Чайковскому, просит разрешить это посвящение, — крепко засела мне в голову еще в тот день, когда я, застрелка с вами у Модеста Ивановича (брата композитора известного драматурга), узнал от вас, что вы читали мой рассказ». Чайковский разрешил сделать посвящение и, желая поблагодарить молодого писателя, записал к нему домой. Тогда возник вопрос о составлении Чеховым либретто для оперы «База» по Лермонтову, которую хотел писать Чайковский. Этот план, впрочем, не осуществился. Сооб-

щая М.И.Чайковскому о предстоящем выходе книжки, посвященной Петру Ильичу, Чехов пишет: «Я готов день и ночь стоять почетным караулом у крыльца того дома, где живет Петр Ильич — до такой степени я уважаю его. Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого, который давно уже сидит на первом, третье я отдаю Реннину, а себе беру девяносто восьмое».

Письма к А.С.Суворину, вообще одни из интереснейших в переписке Чехова, и в рассматриваемом сборнике занимают видное место. Очень подробно рассказывает Чехов о своих хлопотах по устройству в Московском Малом Театре пьесы Суворина «Татьяна Ренина». Ее хотела ставить в свой бенефис артистка Никулина и пригласила Чехова для переговоров. Относительно главной роли шли разные театральные интриги. Никулина не прочь была играть сама, уверяя Чехова, что «Машенька» (т. е. Ермолова) занята, Федотова сказала: «Я не играю пьяных женщин». Весь визит описан подробно и с большим юмором. В разговоре участвовали сестра Никулиной — «старая дева с крысиным лицом и в шали» и муж — «тип рантье-ремонтера с бабенами и сединами». «Начинается умный разговор: ремонт несет чепуху. С драм-переходит к кредиту табаку. Ремонтер жалуетесь на кашель и обвиняет табак. Сестрица тархитит... Наконец, входит лакей и подает Наде (Никулиной) письмо и каком-то необыкновенным, социально-демократическим конверте. По конверту

узнав, что письмо от радикалки Машеньки. Наде нервно распекается письмом и читает вслух: «Если это для вас, то я согласна, но ведь вы, кажется, сами хотели играть Ренину? Сегодня прочту пьесу, завтра дам ответ».

В первой фразе шпилька Суворину, во второй шпилька самой Наде. Расслаиваются и ухожу. Итак, завтра я получу ответ, который пошлю вам. Бабы ненавидят друг друга и интригуют во всю. Понять их трудно, но у меня есть Ленский, который рад взорвать на воздух всех актрис, кроме Ермоловой. Он знает все записки и развязки интриг и угадывает их быстро.

Вдруг письмо к Суворину есть восторженный отзыв о пьесе Гейрманса «Пучина»: «Пьеса удивительна. Последний акт есть нечто такое, чего я бы и за миллион не написал. Этот акт делал главную роль шли разными театральными интригами. Никулина не прочь была играть сама, уверяя Чехова, что «Машенька» (т. е. Ермолова) занята, Федотова сказала: «Я не играю пьяных женщин». Весь визит описан подробно и с большим юмором. В разговоре участвовали сестра Никулиной — «старая дева с крысиным лицом и в шали» и муж — «тип рантье-ремонтера с бабенами и сединами». «Начинается умный разговор: ремонт несет чепуху. С драм-переходит к кредиту табаку. Ремонтер жалуетесь на кашель и обвиняет табак. Сестрица тархитит... Наконец, входит лакей и подает Наде (Никулиной) письмо и каком-то необыкновенным, социально-демократическим конверте. По конверту

узнав, что письмо от радикалки Машеньки. Наде нервно распекается письмом и читает вслух: «Если это для вас, то я согласна, но ведь вы, кажется, сами хотели играть Ренину? Сегодня прочту пьесу, завтра дам ответ».

В первой фразе шпилька Суворину, во второй шпилька самой Наде. Расслаиваются и ухожу. Итак, завтра я получу ответ, который пошлю вам. Бабы ненавидят друг друга и интригуют во всю. Понять их трудно, но у меня есть Ленский, который рад взорвать на воздух всех актрис, кроме Ермоловой. Он знает все записки и развязки интриг и угадывает их быстро.

ли бы на дворян! Гадать гнусно. Это не люди, а обыкновенные кулаки, даже хуже кулаков, ибо мужик кулак берет и работает, а мой художник берет и только жрет да бранится с прислугой... Художник делает вид, что предан мне всей душой, а в то же время учит мужиков обманывать меня. Так как трудно на глаз понять, где мой враг, и где мой лес, то мужики научены были показывать мне крупный нос, принадлежащий церкви. Но мужики не послушались. Вообще чепуха и пошлость. Гадко, что вся эта годовщина и грязная словачья думает, что и я так же дрожу над копейкой, как она, и что я тоже не прочь надуть. Мужики азбита, запуганы и раздражены».

Серия писем к Н.П.Забавину, учителю школы в Новочерках, близкая Мелихова, излагает подробно заботы Чехова о постройке школы, — уже третьей, которую он устраивал, — добывая деньги, давая и свои средства, обсуждая планы и виня во все мочи работы. С такой же заботой в течение многих лет доставлял Чехов книги в общественную библиотеку своего родного города Таганрога. Несколько десятков писем к библиотекарю П.Ф.Иорданову свидетельствуют о совершенно исключительном внимании и большом знании литературы, благодаря которым непрерывно обогащалась библиотека, посещая теперь имя Чехова.

В сборнике находим довольно много писем, свидетельствующих об интересе Чехова к медицинским вопросам, к быту врачей и т. п. Чехов всегда чувствовал себя не только писателем, но и врачом. Известный психиатр Г.

И.Россолимо рассказывает в своих еще не опубликованных воспоминаниях (на них есть ссылка в сборнике), как он, с согласия Чехова, вел переговоры с деканом медицинского факультета московского Университета проф. Н.Ф.Клейном о предоставлении писателю звания приват-доцента. «Для этого требовалось, между прочим, заставить ученую степень доктора медицины». «Но у меня нет диссертационной работы? Разве только предложение для этой цели «Сахалин»? — говорил Чехов. К сожалению, Клейн отнесся к предложению Россолимо отрицательно.

Приведем, в заключение, поддержку, очень чеховскую, из письма к Е.М.Шавровой 28-го ноября 1898 года из Ялты: «Мне стучно по Москве, скучно, я хотел бы туда, где теперь дурная погода и хорошая толчае, делаясь незаметной эту погоду... У меня нет книг, мне нечего читать, я каменею от скуки и кончил тем, что бросился с моста в море или женюсь. Ваша сестра дала мне почитать Гюендича, но оказалось, что и эти рассказы читал уже. Синаи дал читать «Таможенный тариф». Делать нечего, пишите ко мне, как к доктору или лучше, как к больному, и совет ваша будет спокойна. Вы не станете теряться, что своими письмами отнимаю у великого писателя его столь дорогое время, которое проводит он лежа на постели или читая «Таможенный тариф».

Р. Савица.

* А. П. Чехов. «Неизданные письма». Предисловие В. П. Невского, вступительное слово и редакция К. О. Лейтнера.

комментарии Е. М. Шавровой, Н. Я. Гюендича и Г. О. Лейтнера. Госиздат, Москва, 1930 г. Стр. 240.